

Безбожность западной цивилизации угнетает московскую няню, но изменить на восьмом десятке лет свои убеждения и привычки она не может и не хочет. Еще не совсем сложившаяся как личность Катичка часто упрекает няню за то, что она одна не меняется, хотя весь мир уж давно изменился: «Старый дух в тебе. Сколько было, все другие стали, все вверх ногами стало... с чего ты одна такая, никак не меняешься, как тумба? Старый дух!...» [12, с. 23]. Но вместе с тем няня является для нее воплощением нравственных устоев жизни, мудрой советчицей и наставницей: «...да какая ты мудрая... Василиса ты Премудрая!...» (Там же, с. 33).

Во всем полагаясь на милость Господа, няня не гонится на чужбине за материальными благами, потому что для нее «не страшно нищим стать... страшно себя потерять» (Там же, с. 13). Этому же она учит и Катичку, которая чуть было не позарилась на деньги и титул богатого, но бездетного старика-англичанина, хотевшего ее удочерить. Воспитанница няни Катичка не прельстилась миллионами американских женихов-капиталистов. Подобные ситуации Дарья Степановна расценивает как искушение и преодоление его.

Старую няню, не сумевшую приспособиться к американскому образу жизни, за «чуду» принимают. Для Шмелева же нравственный мир няни из Москвы и есть истинное чудо как свидетельство Божьего промысла. Человек такого национального типа, оказавшись вне культуры, сформировавшей его, чахнет и медленно умирает, что и происходит с героиней романа.

Литература

1. Соловьев В.С. «Русская идея» // Собрание сочинений : в 2 т. М., 1989. Т.2. С. 219 – 246.
2. Бердяева Н.А. «Судьба России». М., 1990.
3. Ильин И.А. О русской идее // Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 годов : в 2т. М., 1992. Т.1.
4. Иванов В. О русской идее // Родное и вселенское. М., 1994.
5. Головкин Н. Исход и возвращение И.С. Шмелева. URL : www.hrono.info.
6. Ильин И. А. Творчество И.С.Шмелева // О тьме и просветлении. Книга художественной критики: Бунин, Ремизов, Шмелев. М., 1991.
7. Ильин Иван, Шмелев Ив. Переписка двух Иванов (1927 – 1934) // Собрание сочинений : в 3 т. М. : Рус. книга, 2000. Т.1.
8. Любомудров А.М. Иван Шмелев между светской и религиозной традициями // Философ-

ский контекст русской литературы 1920–1930-х годов. М., 2003. С. 391 – 428.

9. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.

10. Семенова С. Революция глазами русских религиозных философов // Философский контекст русской литературы 1920–1930-х годов. М., 2003.

11. Франк С.Л. Религиозно-исторический смысл русской революции // Начала. 1991. №3. С.73–95.

12. Шмелев И.С. «Няня из Москвы» // Собрание сочинений : в 5 т. М. : Рус. книга, 2001. Т.3 : «Рождество в Москве». С. 11 – 191.

13. Шубарт В. Европа и душа Востока. М., 2000.

Conflict system in the novel “Nanny from Moscow” by I.S.Shmelev

There are considered the spiritual and moral conflicts in the novel by I.S.Shmelev “Nanny from Moscow” that in many respects allows to comprehend the nationality problem in the author’s interpretation.

Key words: *nationality, orthodox culture, spiritual and moral conflict, society, epoch.*

К.А.СТЕПАНЕНКО
(Волгоград)

МОТИВ «ЛИТЕРАТУРНОГО» И «БИОГРАФИЧЕСКОГО ЮРОДСТВА» В ТВОРЧЕСТВЕ ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА

Творчество поэта Велимира Хлебникова рассматривается с точки зрения юродства. Выявляются основные черты этого явления и анализируется их преломление в творческой биографии писателя-футуриста. Делается вывод о том, что мотив юродства – один из главных в произведениях Велимира Хлебникова.

Ключевые слова: *Велимир Хлебников, кубофутуризм, образ шута, смех, футуризм, юродство.*

Велимир Хлебников – поэт, во многом определивший пути развития русской литературы и всей культуры XX в. Он сознавал, что опередил своё время и глубоко чувство-

вал своё трагическое одиночество – одиночество поэта в мире. Среди литераторов, критиков и журналистов его часто называли помешанным, сумасшедшим, «тихим дурачком». Но поэт никогда не жаловался и не уходил в себя, не играл и не рядился – он жил, уверенный в своём предназначении. Тем самым он предопределил трагичность своего жизненного пути. Поэт понимал, что

*Я ведь такой же, сорвался я с облака,
Много мне зла причиняли
За то, что не этот,
Всегда нелюдим,
Всегда нелюбим* [9, т. I, с. 314].

Хлебников действительно был не похож на других. «По своему внутреннему [да и внешнему] облику Хлебников был близок эксцентричным и фантастическим существам, созданным Э.Т.А. Гофманом. Как и от этих странных существ, от Хлебникова нельзя было ожидать каких-либо трезвых, разумных действий: он находился во власти иррациональной сказочной стихии, был одержим ею так же, как бывают одержимы этой стихией дети, которые, заигравшись, страстно верят в то, что они есть индейцы, разбойники, пираты и т.д.» [7, с. 430].

Будетлянин «был фигурой переходной, частично провокатором, частично медиатором, частично пророком», «он был и скитальцем, и скоморохом» [5, с. 101]. Не знающие Хлебникова люди часто называли его шутком, паяцем и юродивым за его внешний вид и поведение. И были правы. «Просветлённость», «свет», «святость» – слова, которые приходят на ум при описании этого человека. По словам Н. Асеева, его лицо «принимало выражение такой ясности и приветливости, что всё вокруг него светилось» [2, с. 206]. А. Мариенгоф отметил во внешности поэта «большие, серые и чистые, как у святых на иконах Дионисия Глушицкого, глаза» [8, с. 82]. Действительно, и облик, и жизненный путь, и творчество Хлебникова несут на себе печать избранности.

Хлебникова больше принято называть чудаком, и мало кому в голову придёт всерьёз назвать его юродивым. Поэт не принадлежал церкви, и вряд ли его можно считать религиозным в привычном значении этого слова. Но его жизнь, образ мысли дают право сравнить будетлянина с юродивым.

Юродивый находится на грани двух миров – мнимого и настоящего, живёт, по словам Т. Горичевой, «в двух зонах – в миру, который подвергает его осмеянию, и в раю, в блаженной, свободной... стране» [3, с. 47]. В связи с

этим А.М. Панченко выделяет две стороны юродства – пассивную и активную [6, с. 79]. Пассивная обращена на себя, похожа на аскетство: юродивый не следит за собой, не интересуется своим внешним видом, ничем материальным. По свидетельствам современников, Хлебников не любил умываться, причёсывался с мученическим видом, не обращал внимания на свою одежду, мог днями голодать и никогда не заботился о деньгах. После смерти поэта М. Альтман в своём дневнике сделал следующую запись: «Косматый, лохматый, невымытый, с длинными нечесаными волосами, со спутанной бородой, высокого роста – он показался мне необычайным. Было что-то в нём детски-трогательное, среди всех себя выпячивающих он один был воплощением начала полного забвения себя. Каратаев Платон был в сравнении с ним человеком с претензиями» [1, с. 58].

Активная сторона юродства заключается в том, что юродивый живёт среди людей, обличая их пороки и не обращая внимания на общественные приличия. «Юродивый полностью свободен от всех условностей поведения» [3, с. 47]. Футурист как человек особого типа поведения и мироощущения часто утверждает себя через негативные и разрушительные действия, через жесты борьбы и агрессии, провоцирующие прямое столкновение с реальностью. Публичные скандалы футуристов – способ приближения к «глубинной реальности человека», раскрывающейся лишь в пограничных ситуациях. «Мир вокруг юродивого загромождается, и вечность уничтожает время. Юродивые превращают базар и ярмарку жизни в мистерию, в них тайна человека поднимается до тайны Бога» (Там же, с. 49). Поисками свободы объясняются все попытки юродствующих убежать от давящего контроля системы, «от мертвящей скуки цинизма» (Там же).

Противопоставляя себя обществу, юродивый и язык свой отчуждает от общеупотребительного языка. Язык юродивого – особый код, «косноязычное бормотание, понятное только юродивому» [6, с. 96] или такому же, как он. Это «словеса мутные», которые сродни детскому языку, а детское «немовствование» встарь считалось средством общения с Богом. Это – пророческая традиция, восходящая к Книге Иеремии: «И я сказал: а-а-а, Господи! Я, как дитя, не умею говорить. Но Господь сказал мне: не говори “я дитя”, иди, куда я пошлю, и говори всё, что прикажу». (Протянутое междометие «а» употребляется в качестве знака, указывающего на особенность

языка. Интересно, что свои ранние прозаические опыты Хлебников подписывал псевдонимом – АААА.) Неканоничный футуристический язык называли безумием, словесным мусором. Сам Хлебников характеризовал новый язык как «звёздный», «язык богов», «заумь».

Юродивый – это умный, но одинокий человек, нарушающий обычаи, этикетные нормы, тем самым обнажающий мир от всех церемониальных форм, а ум – от всех условностей, привычек. Он видит и говорит правду, знает о мире больше, чем его современники. Поведение юродивого смешно и таинственно одновременно, ведь он видит и слышит то, что находится за пределами обычной видимости и слышимости. Для него «за видимым – бездна невидимого» [3, с. 60]. Действительность юродивого предстаёт двупланово: для незнающих – смешной, эпатажной; для посвящённых – особо значительной.

В юродстве соединены различные формы протеста против бездуховной действительности. Одна из них – осмеяние мира, дурачество, шутовство. Юродивый предстаёт «мнимым безумцем», скрывающим под маской глупости святость и мудрость.

«Юродивый» и «дурак» – это, в сущности, синонимы, по мнению А.М. Панченко [6, с. 100]. Т. Горичева говорит о христианском дураке: «Христианский дурак – юродствующий и юродивый – один из тех, кто смехом разрушает ложную гармонию, кто, взрывая благополучие мира, выявляет опасную для одних и спасительную для других истину» [3, с. 50]. Своим поведением юродивый и дурак показывают, что мир культуры является ненастоящим, лицемерным, несправедливым. Таким образом, как и юродивый, дурак – умный человек, нарушающий обычаи, показывающий наготу мира, обнажающий правду. Дурак – прежде всего человек, видящий и говорящий «голую» правду:

*За то, что напомнил про звёзды
И был сквозняком быта этих голяков,
Не раз вы оставляли меня
И уносили моё платье,
Когда я переплывал проливы песни,
И хохотали, что я гол.
Вы же себя раздевали
Через несколько лет,
Не заметив во мне
Событий вершины,
Пера руки времён
За думой писателя.
Я одиноким врачом
В доме сумасшедших
Пел свои песни – лекар«ства» [9, т. I, с. 441].*

Он честен, правдив, смел, весел, как веселы люди, ничего не имеющие. Он правдолюбец, почти святой, но только «наизнанку». «Видно, человек на грани двух миров, всё в нём перепутано. Он – ось. Или, может быть, ось прошла через него» [4, с. 15].

Юродивый и дурак скрывают свои святость и мудрость. В этих двух качествах Т. Горичева видит силу, которая способна вывести культуру на новый уровень познания окружающего мира: граничащий с ужасом смех юродивого, извлекающий смысл из абсурда, указывает на путь от отчаяния к надежде [3]. Юродивый обречён на одиночество. Эта тема сплетается у Хлебникова с темой служения справедливости и добру:

*... «Я белый ворон, я одиноко,
Но всё – и чёрную сомнений ношу
И белой молнии венок –
Я за один лишь призрак брошу
Взлететь в страну из серебра,
Стать звонким вестником добра» [9, т. I,
с. 151].*

В его поэзии последних лет жизни всё настойчивей звучит мотив оставленности, отверженности, непонятости. Словно из страны космического одиночества звучит страдающий голос измученного человека, полу-признанного поэта, ошельмованного пророка:

*Горе и вам, взявшим
Неверный угол сердца ко мне:
Вы разобьётесь о камни,
И камни будут надсмехаться
Над вами,
Как вы надсмехались
Надо мной [9, т. I, с. 439].*

Хлебников предчувствовал приближение смерти, предсказав её «возраст». Одинокий гость в «комнате человеческой жизни» услышал её. Он уходил, не закончив трудов, не воплотив своих мечтаний. Об этом поэт писал в сверхповести «Зангези»:

*Мне, бабочке, залетевшей
В комнату человеческой жизни,
Оставить почерк моей пыли
По суровым окнам, подписью узника,
На строгих стёклах рока.
Так скучны и серы
Обои из человеческой жизни!
Окон прозрачное “нет”!
Я уж стёр своё синее зарево, точек узоры,
Мою голубую бурю крыла – первую свежесть.*

Пыльца снята, крылья увяли и стали прозрачны и жёлтки.

Боюсь я устало в окно человека.

Вечные числа стучатся оттуда

Призывом на родину, число зовут к числам вернуться [9, т. II, с. 319].

Эта тема не оставляла Хлебникова до конца его жизни. В прозаическом отрывке «Закон множеств царил...» (1921) снова звучит трагический голос: «Хорошо! – подумал я, – теперь я одинокий игрок, а остальные – весь большой ночной город, пылающий огнями, – зрители. Но будет время, когда я буду единственным зрителем, а вы – лицедеями» (Там же, т. III, с. 458). Однако, несмотря на понимание своего одиночества, у Хлебникова было поразительно ясное сознание цельности и завершённости своего пути.

Литература

1. Альтман М.С. Разговоры с Вячеславом Ивановым. СПб.: Инапресс, 1995.
2. Асеев Н.Н. Велимир Хлебников // Родословная поэзии: Статьи, воспоминания, письма. М.: Сов. писатель, 1990. С. 199 – 208.
3. Горичева Т. Православие и постмодернизм. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991.
4. Иваницкий В. Почему смеялась рыба? // Знание – сила. 1993. № 2.
5. Иваницкий В. «Я древний смех несу на рынок...» // Знание – сила. 1993. № 2.
6. Лихачёв Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси (любое изд.).
7. Лурье А. Наш марш // Русский футуризм: Теория. Практика. Критика. Воспоминания. М., 2000. С. 429–431.
8. Мариенгоф А. Роман без вранья. Л., 1995.
9. Хлебников, В. Собрание сочинений : в 3-х т. СПб.: Акад. проект, 2001. (В скобках римскими цифрами указан номер тома.)

The motive of “literary” and “biographical feeble-mindedness” in Velimir Khlebnikov’s works

The creative work of poet Velimir Khlebnikov is regarded from the point of view of feeble-mindedness. There are revealed the basic features of this phenomenon and analyzed their interpretation in the biography of the futurist writer. There is the conclusion made that the feeble-mindedness motive is one of the main in Velimir Khlebnikov’s works

Key words: *Velimir Khlebnikov, cube-futurism, jester image, laugh, futurism, feeble-mindedness.*

Н.В. ДОБРОСКОКИНА
(Киров)

«ЭТОТ ЗЛОВЕЩИЙ И УБОГИЙ ПАРИЖ...» В РОМАНЕ Г. ГАЗДАНОВА «НОЧНЫЕ ДОРОГИ»

Представлены центральный образ романа Г. Газданова «Ночные дороги» – полифоничный образ Парижа – и его основные художественные воплощения.

Ключевые слова: *Г. Газданов, роман «Ночные дороги», Париж, хронотоп, художественный образ, Вавилон, русский эмигрант.*

Париж для русской эмиграции – это больше, чем город. Пусть и по-разному, но он отразился в художественной картине мира большинства писателей-эмигрантов. У Г. Газданова Париж «живет» во всех романах и представляет собой совершенно особенный город. По словам исследователя Ю.С. Степанова, «теперь уже есть Париж Газданова, как раньше был обнаружен Петербург Гоголя, Петербург Достоевского, Петербург Андрея Белого... – разные Петербурги» [5, с. 26].

В Париже Газданов прожил полвека. Менялись его восприятие, отношение к городу. Эволюционировал и художественный образ. Париж из романа «Вечер у Клэр» от Парижа «Ночных дорог» отделяет целая пропасть и, можно сказать, целая жизнь. В ранних романах Газданова Париж удивляет и завораживает его лирического героя. «В те времена я имел о Париже очень приблизительное представление, и вид этого города ночью неизменно поражал меня, как декорации гигантского и почти безмолвного спектакля» [1, с. 453]. Это взгляд молодого эмигранта на пока еще не знакомый город. Но постепенно, по мере вживания Газданова во французскую действительность, когда он уже «знал Париж лучше, чем любой город родины» (Там же, с. 503), декорации исчезли, и писатель увидел Париж изнутри. «Париж медленно увядал в моих глазах» (Там же, с. 548). Городская изнанка, самое дно – вот результат двадцатичетырехлетней работы Г. Газданова ночным шофёром. Такое близкое знакомство писателя с ночным Парижем удивило даже самих французов и заставило, по их признанию, посмотреть на Париж другими глазами.